

И. Иванов (слева) и А. Маресьев. Москва, 1974 г.

Карагандинский ГЕРОЙ Иван ИВАНОВ:

Стране Советов нужны были герои. Те, что рас­тали хлеб, добывали бо­гатства из недр родной земли, защищали Оте­чест­во. Самоотверженные пат­риоты с "чистым" проле­тарским прошлым, выходцы из народа...

Их находили в самых отдаленных глубинках великой державы и... "раскручивали", как нынче поп-звезд. Показывали по телевидению, писали о них книги, награждали. Дабы простой труженик всех городов и весей Советского Союза понимал — завтра на месте героя может быть он.

Именно в те, 60-70-е годы канувшего в небытие века социализма, в Карагандинской области впервые прозвучало, прогремев впоследствии на весь Союз, имя механизатора из совхоза "Новый путь" Осакаровского района. Он был героем по всем статьям — уроженец Ленинграда, безногий инвалид Великой Отечественной войны, после комиссования приехавший осваивать целинные земли, работяга от корней. Даже имя его идеально соответствовало представлениям о "простом советском труженике" — Иван Иванович Иванов.

Старшее поколение казахстанцев хорошо помнит это имя: было время, когда оно не сходило со страниц газет. В 1975 году о "знатном карагандинском хлеборобе" на киностудии "Казахфильм" был снят документальный фильм, чуть позже в московском издательстве "Колос" вышла книга "Продолжение подвига". Летописцы брежневских времен взахлеб восторгались "трудовыми и ратными подвигами" Ивана Ивановича. Он был удостоен всех мыслимых прави-

тельстванных наград как за боевые, так и трудовые заслуги. Кавалер ордена Боевого Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны первой степени, двух орденов Ленина, Октябрьской Революции, в 1972 году Иванов получил звание Героя Социалистического Труда, а в 1975-м был избран депутатом Верховного Совета СССР.

Что там американская мечта! В своем отечестве простой работника Иванов достиг всех возможных вершин. Судьбе труженика полей могли позавидовать многие его соотечественники. На него равнялись, его приводили в пример... Сам Генсек, Леонид Ильич Брежнев, отметил заслуги механизатора дважды: на праздновании 20-летия освоения целины, проходившем в марте 1974 года в Алма-Ате, и в своей нашумевшей монографии "Целина". Более того, Леонид Ильич подарил Ивану Ивановичу личный подарок — барельеф с изображением крейсера "Аврора" и выгравированной на нем дарственной надписью: "Знатному механизатору Герою Социалистического Труда тов. Иванову Ивану Ивановичу от Генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева Леонида Ильича в честь 20-летия освоения целинных земель. 15 марта 1974 г. Город Алма-Ата".

Безногий комбайнера сравнивали с Героем Советского Союза легендарным Алексеем Маресьевым. Биограф Иванова карагандинский журналист Михаил Сергеевич называл их "людьми похожей судьбы". Впервые Иванов и Маресьев встретились в Москве, на очередном съезде ВЛКСМ. Затем — когда снимался фильм об Иванове. Присутствующие при этом событии корреспонденты центральных газет писали потом, что герои стали побратимами. Можно сказать, Иванов стал одной из живых легенд советского времени.

Но участь мифологических и легендарных героев — жить в веках — Иван Ивановича не постигла. Постепенно о нем перестали писать и говорить, а после и вовсе забыли.

Рухнула империя страны Советов, а следом за ней полетели в тартарары ценности, возвращенные за 70 лет всеобъемлющей дланью партии-гегемона. Нестабильность, захлестнувшая страну, породила панику в сознании бывших жителей СССР. Когда страх и безысходность завладевают умами, становится не до героев...

Миф, порожденный идеологией, исчез. Но человек-то остался... Механизатор широкого профиля Иван Иванов продолжал жить и работать в родном селе. Теперь уже не под бдительным оком кинокамер и вспышки фотоаппаратов, а просто так... Какой же была его жизнь "после"?

Вобластном краеведческом музее нашлось несколько вырезок из старых газет, повествующих об Иване Ивановиче, его предвыборный плакат, экземпляр книги М. Сергеевича "Продолжение подвига" с дарственной надписью автора и пара-тройка черно-белых снимков. Среди статей оказался некролог, датированный 1992 годом... Какой-либо информацией о месте проживания и судьбе родственников Иванова работники музея не располагали. Посоветовали обратиться в областное управление по сельскому хозяйству.

— Иванов? Это который наш, осакаровский? — обрадованно переспрашивали меня почтенного возраста работники управления по сельскому хозяйству. — Как хорошо, что вы о нем вспомнили! А поселок его не переименовали. Как было отделение Кол-

лективное, так и осталось.

Мне дали координаты бывшего первого секретаря Осакаровского райкома партии — человека, который представлял Иванова к званию Героя Социалистического Труда, был доверенным лицом при выдвижении в депутаты Верховного Совета.

Дмитрий Антонович Чернов, ныне являющийся одним из активистов районного Совета ветеранов, охотно согласился поделиться воспоминаниями о своем "протееже".

— Иванова я знал много лет, — говорит Дмитрий Антонович. — Обязан был знать по роду работы. Биографию его изучил как свою собственную, ночью подними — расскажу. Он родился в Ленинграде, отец его был рабо-

— А мы на что? Мы, девушка, ра-бо-та-ли! Следили за всеми успехами, докладывали в центр о достижениях, хлопотали, чтобы наши передовики без внимания не оставались. С выдвижением Иванова целая история была! Разнарядка на Героя Соцтруда пришла на Каркаралинский район. А у них — никого подходящего. Вот мы Иванова под это дело и выдвинули. Все документы оформили как полагается, отправили наверх, и закрутилась машина. А кто-то из недругов наших, узнав, написал в центр письмо — мол, увечья Иванова никак не связаны с участием в боевых действиях. А просто отморозил он себе ноги по пьянке. И вот поздно вечером, часов в 11 — 12, звонит мне сначала первый секретарь Карагандинского обкома партии Василий Кузьмич Акулинцев. И говорит:

Дом И. Иванова.

чим на Путиловском заводе. Закончив школу, Иванов поступил в судостроительный техникум. Отсюда незадолго до войны был призван в армию. При обороне "Невского пятачка" получил тяжелое ранение обеих ног. Попал в эвакогоспиталь в Алма-Ате, а оттуда был направлен по инвалидности в Караганду. На завод его, безногую, не взяли. Отправили с другими ранеными бойцами в село, чтобы мог восстановить здоровье на деревенских харчах. Здесь он женился на местной девушке, стал работать. Сначала за плугом ходил, потом освоил трактор, на комбайнера выучился.

— Как же он техникой управлял без ног?

— Протезы носил. Как сейчас помню, работал Иванов стоя почему-то. В кабине трактора возил длинную палку-посох, обмотанную тряпкой. А за кабиной у него ведро болталось с мазью Вилькинсона. И вот устанет, бывало, остановится, обувь свою протезированную скинет, побултыхает палкой в ведре и мазью этой тягучей, коричневой свои культы смажет. А после прямо на эту жижу обувь опять натянет и дальше пашет.

— Как же тракторист из какой-то глухомани стал знаменитым на всю страну?

так, мол, и так, пришла такая бумага. Правда это? Я ответил: "Ничего подобного, у Иванова все в порядке! Я за него ручаюсь!". А потом ночью правительственный звонок из Москвы. Был там в ЦК КПСС по кадрам такой легендарный Трофимов. Николай Кузьмич, по-моему. Я сам его ни разу не видел, только слышал. Так вот, он мне приказывает: "Срочно пришлите заверенное нотариусом подтверждение, что ранение Иванова связано с пребыванием на фронте". А было это в ночь на субботу. С утра кинулся я к нотариусу, а он на рыбалку уехал. Пришлось ехать в Темиртау, там отыскали нотариуса, поставили печать, заверили и спешно, с нарочным, я отправил в Москву. Так наш Иванов стал Героем Соцтруда. А после нас, по стопам Иванова, своего Героя выдвинула Целиноградская область. Был у них тоже инвалид, хлебороб Картаузов... Леонид, кажется.

— Так что, это было в своем роде соревнование — у кого больше героев?

— Это неофициально... — мнется Дмитрий Антонович. — Но вообще, так. Потом Целиноград своего Картаузова выдвинул в депутаты Верховного Совета. Я, узнав об этом, звоню Акулинцеву, говорю: "Василий Кузьмич, цели-

ноградцы нас обскакали!". Он: "Как так?", а я в ответ: "Они своего Картаузова кандидатом в депутаты сделали!". Он тут же: "Мы нашего тоже выдвинем!". И сразу стали собирать документы.

— **Вот так легко, после одного телефонного звонка, решили за человека его судьбу?**

— Как это "легко"?! Вы представляете, что значило в то время стать депутатом Верховного Совета СССР?! Это практически то же, что член правительства... Нужно было иметь безупречную биографию! В общем, известность Иванов тогда получил на весь Советский Союз. К нам понаехали корреспонденты — из "Правды", "Известий", "Комсомольской правды", "Труда", еще каких-то газет. Смотрели, как он работает, как живет. Потом взяли Ивана Ивановича, поехали с ним в Ленинград. И вот, показывает он им, где учился, где воевал, и вдруг... дом, где он жил до войны, оказался цел. Заходят туда. В квартире Ивановых, конечно, уже живут другие люди. Потом идут в ЖЭК, находят домовую книгу. И там записано: Иванов Иван Устинович (отец) — погиб на фронте, Иванова Анна Ивановна (мать) — умерла в блокаду,

сказывает ему, что произошло в Ленинграде. Иван Иванович мне ничего не говорит, продолжает работать, скоро зарегистрировать его кандидатуру надо... Накануне мне снова ночью звонит Акулинец и требует, чтобы завтра я явился на регистрацию вместе с Ивановым и всеми его документами. Не пойму, зачем, но делаю, как велено. Только заходим — в коридоре КГБшник. Я понял — что-то не то. Спрашиваю у Иванова: "Что не так? Говори сейчас, есть за тобой что-то?". Он: "Ничего нет". "Хорошо, — говорю, — тогда будем держать оборону". Зашли, сидит комиссия. "Как дела, Иван Иванович? Как здоровье супруги?". А после в лоб — "Что у вас было 5-6 мая 1941 года?". Иванов и отвечает: "С другом пошли в самоволку из училища, зацепились за "колбасу" трамвая, а нас милиция задержала. Они сразу разулыбались: "Чистейший рабочий класс!". Оказалось, из Ленинграда уже дело затребовали, оно пришло, и там так и есть — их задержали, сообщили по месту жительства, а паспортистка сделала ту злополучную запись.

— **Не мешали новые обязанности работе Иванова-хлебороба?**

— Иванов в труде был неуем-

длитель". И ездил, и возил еще...

О том, что стало с Ивановым Ивановичем после того, как он в 1983 году вышел на пенсию, бывший партийный деятель ответить затруднился. Точно так же, как ответить на вопрос: "Что стаю с женой и тремя дочерьми Иванова?".

Я отправилась в Коллективное...

Полуразрушенные телятники, около пятидесяти дворов, пыль, зной и мертвая тишина. Передовой в прошлом совхоз находится в ста пятидесяти километрах от районного центра, никакой общественной транспорт сюда не доходит. Летом можно доехать "на частнике" до Осакаровки за 1500 тенге. Зимой — выбраться отсюда невозможно вообще... Здесь влачат нищенское существование восьмидесятирехлетняя жена прославленного комбайнера, Евгения Егоровна, его дочь — любимица Нина, внуки и правнуки...

— Корреспондент? — подслеповато шуря глаза, поднялась навстречу старушка в белом платочке. — Да ведь про нас уже

ему этот вопрос задавали.

— **И как Иван Иванович на него отвечал?**

— Им сказал: "Не хочу на базаре, как все инвалиды, с протянутой рукой стоять! Хочу работать, быть полезным". А мне правду открыл. Я ни с кем не делилась, ни одному корреспонденту не рассказывала... Теперь, наверное, можно... Он клятву дал — работать не жалея себя, ради будущего, ради того, чтобы все советские дети могли жить спокойно. Поклялся тогда, когда ноги потерял, на Невском пятакче. Иван рассказывал:

...командир вызвал: "Кто ленинградец?". Из строя вышли трое — Иван и еще двое. Один постарше, другой такого же возраста, как Ваня. И пошли они в разведку. Их заметили, стали обстреливать. Ранило всех троих. Но тот, что постарше, был ранен тяжелее. Он парням и говорит: "Вы еще юноши, а у меня дети есть. Дайте слово, что,

же надо потчевать... Только один раз за все время руководство совхоза накрыло стол для приезжих гостей. А так — мы сами старались. Машину инвалидную, правда, директор совхоза помог взять Ивану. Дал ссуду, а потом Иван ее из зарплаты гасил. Мы довольствовались тем, что есть.

— **От чего умер Иван Иванович?**

— Он болел долго. По больницам мыкался — то в Караганде, то в Осакаровке. Врачи вроде как туберкулез подозревали, потом сказали — сердечная недостаточ-

Могила И. Иванова.

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ

сестра — умерла в блокаду. В общем, в живых никого из родственников Иванова нет. А напротив его имени карандашом написано — арестован НКВД 6 мая 1941 года. Вы представляете?! Все корреспонденты тут же разворачиваются и уезжают: мол, это не тот человек. А Иванов возвращается домой. С ним прилетает журналист Сергейчик. Он идет к секретарю обкома и рас-

сказывает ему, что произошло в Ленинграде. Иван Иванович мне ничего не говорит, продолжает работать, скоро зарегистрировать его кандидатуру надо... Накануне мне снова ночью звонит Акулинец и требует, чтобы завтра я явился на регистрацию вместе с Ивановым и всеми его документами. Не пойму, зачем, но делаю, как велено. Только заходим — в коридоре КГБшник. Я понял — что-то не то. Спрашиваю у Иванова: "Что не так? Говори сейчас, есть за тобой что-то?". Он: "Ничего нет". "Хорошо, — говорю, — тогда будем держать оборону". Зашли, сидит комиссия. "Как дела, Иван Иванович? Как здоровье супруги?". А после в лоб — "Что у вас было 5-6 мая 1941 года?". Иванов и отвечает: "С другом пошли в самоволку из училища, зацепились за "колбасу" трамвая, а нас милиция задержала. Они сразу разулыбались: "Чистейший рабочий класс!". Оказалось, из Ленинграда уже дело затребовали, оно пришло, и там так и есть — их задержали, сообщили по месту жительства, а паспортистка сделала ту злополучную запись.

— **Не мешали новые обязанности работе Иванова-хлебороба?**

— Иванов в труде был неуем-

длитель". И ездил, и возил еще... О том, что стало с Ивановым Ивановичем после того, как он в 1983 году вышел на пенсию, бывший партийный деятель ответить затруднился. Точно так же, как ответить на вопрос: "Что стаю с женой и тремя дочерьми Иванова?". Я отправилась в Коллективное...

Полуразрушенные телятники, около пятидесяти дворов, пыль, зной и мертвая тишина. Передовой в прошлом совхоз находится в ста пятидесяти километрах от районного центра, никакой общественной транспорт сюда не доходит. Летом можно доехать "на частнике" до Осакаровки за 1500 тенге. Зимой — выбраться отсюда невозможно вообще... Здесь влачат нищенское существование восьмидесятирехлетняя жена прославленного комбайнера, Евгения Егоровна, его дочь — любимица Нина, внуки и правнуки...

— Корреспондент? — подслеповато шуря глаза, поднялась навстречу старушка в белом платочке. — Да ведь про нас уже

ему этот вопрос задавали. — **И как Иван Иванович на него отвечал?** — Им сказал: "Не хочу на базаре, как все инвалиды, с протянутой рукой стоять! Хочу работать, быть полезным". А мне правду открыл. Я ни с кем не делилась, ни одному корреспонденту не рассказывала... Теперь, наверное, можно... Он клятву дал — работать не жалея себя, ради будущего, ради того, чтобы все советские дети могли жить спокойно. Поклялся тогда, когда ноги потерял, на Невском пятакче. Иван рассказывал:

...командир вызвал: "Кто ленинградец?". Из строя вышли трое — Иван и еще двое. Один постарше, другой такого же возраста, как Ваня. И пошли они в разведку. Их заметили, стали обстреливать. Ранило всех троих. Но тот, что постарше, был ранен тяжелее. Он парням и говорит: "Вы еще юноши, а у меня дети есть. Дайте слово, что,

если выживете, будете работать. Ради детей..." Они поклялись. Он погиб, а они поползли дальше. Потом второму парню стало плохо. Он Ване сказал: "Иван, ползи!" и умер. А Иван дополз до нейтральной полосы, где его подобрали наши. Вот потому он клятве своей был верен всю жизнь. — **Известность не повлияла на него? Не изменила?** — Что вы! Он простой всегда был. И потом, это там, в центре, Ивана чтили, а в своем кишлаке — нет. Он как-то рассказывал — полез комбайн проверять после ремонта, а машина-то высокая... Взялся он по лесенке, да и оступился. А механик, что внизу стоял, и говорит зло: "Пьяный, а еще лезет с проверкой!" Комбайнер, что рядом находился, ему замечание сделал: "Это кто пьяный? У него же протезы вместо ног Эх, ты!.." Может, кто и завидовал... Люди ведь думали, что у него деньги есть, раз он такой знаменитый. А мы ничего не знали. Всю жизнь обитали в домике, из деревянных щитов сделанном. Правда, потом нам сельсовет помог — обложил его кирпичом, чтоб теплее было. Ваня говорил: "Разве я могу брать что-то для себя? А что люди скажут?". И никогда ничего не просил. Даже когда старшенькая, Люда, подросла и надо было отправлять ее учиться дальше в райцентр, мы не могли денег собрать. А тут в совхозе сказали: "Кто пойдет работать доярками, на следующий год поедет учиться от совхоза". Вот она и пошла работать в 16 лет. А ведь у нее способности были, думали, она может ученой стать... Да что там! Ни одна из дочек образования не получила, у всех жизнь трудно сложилась.

— **А когда он болел, вам власти какую-то помощь оказывали?**

— Какую помощь! — машет рукой старушка. — Но приезжали. Ничего не могу сказать, приезжало районное руководство. И на похороны тоже. Даже музыка была. Знаете, Ваня всегда говорил в шутку: "Зато меня с музыкой хоронить будут!". Я смеялась: "Кому ты нужен?". А ведь и правда, музыка была...

Да, растет племя Ивановых. Как тут не сказать, что на Ивановых Россия держится. Теперь вот и целина тоже". Эти слова сказал Алексей Маресьев своему побратиму при встрече. Сегодня они звучат насмешкой...

Потомки прославленного хлебороба бегают по родному селу чумазые, полуголодные. Любимая дочь Нина сидит без работы и пенсии. Таскает воду из колонки, доит двух коров и сдает сметану за бесценок приезжающим по выходным перекупщикам. А жена героя молит судьбу только о легкой смерти и... чтобы у дочерей хватило средств на ее похороны.

Алина ОДИНЦОВА
Фото автора и из архива областного краеведческого музея

Дочь героя (слева) и жена Евгения Егоровна.